
Не буди
Лихо,
пока оно тихо

Вайлери Пилс

Не буди Лихо, пока оно тихо

https://litres.ru/74715308
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга "Не буди Лихо, пока оно тихо" - о древне-славянской руси.

В VIII веке, на расцвете культа грозного Перуна, глухая славянская деревня Вербичи свято чтит жестокий закон отцов. Чтобы умилостивить восставших упырей и спастись от смертоносного мора, люди приносят лесной нечисти самую страшную дань — отдают в чащу чистую семнадцатилетнюю деву. Озорная, веселая и добрая Рада становится той самой «невестой» для лесной темени.

Но вместо неминуемой гибели в темном омуте девушку ждет встреча с тремя пугающе красивыми хозяевами леса — Лешим, Водяным и самим Лихо, воплощением злого рока и беды. Столкнувшись с человеческой жестокостью и божественным промыслом, оторванная от дома Рада должна переступить через страх, растопить вековой лед в сердцах лесных духов и исполнить волю древних богов — стать живым мостом между миром людей и миром чащи.

Не буди Лихо, пока оно тихо

Глава 1: Невеста для лесной темени

В VIII веке от сотворения мира, когда бескрайние славянские дубравы шептались с ветрами, а ночные костры взлетали искрами к самому поднебесью, над Русью гремело имя Перуна. Грозный бог грозы и княжеской дружины правил умами людей. В глухой, затерянной среди болот и вековых чащоб деревне Вербичи поклонение старым богам было законом жизни. Каждую весну, едва сойдет снег, на священном капище закалывали лучшего тучного быка. Багряная кровь орошала сырую землю, и за этот дар Перун, Даждьбог и Велес хранили мир в избах, отводя стороной голод и даруя тучные хлеба.

Но существовал и другой, куда более страшный и древний уговор с теми, кто обитал по ту сторону лесной черты. Если на Вербичи обрушивался великий мор или нескончаемый голод, обычной кровью скотины богов было не умилостивить. Старейшины знали: в такие темные времена лесная нечисть — хозяева ночных чащ, заложные покойники и сам лесной владыка — требовали иную плату. Чистую душу. Юную деву, которой едва исполнилось семнадцать зим. Нареченную невесту для лесной темени. Считалось, что как

только чаща заберет девушку, проклятие отступит, а мор ослабит свои костлявые пальцы на горле деревни.

В Вербичах жила Рада. Девушка с глазами цвета спелой ржи и непослушной копной соломенных волос, в которых вечно путались репьи и полевые цветы. Ей только-только исполнилось семнадцать. Рада была душой всей округи — озорная, хохотушка, готовая пуститься в пляс под любой наигрыш, она обладала удивительно добрым и мягким сердцем. Ей прощали и сорванные яблоки в чужих садах, и пролитое по неосторожности молоко, ведь ее звонкий смех мог разогнать любые тучи. Дома ее оберегали как величайшую ценность. Любящая мать ласково гладила ее по голове по вечерам, отец всегда привозил с ярмарки расписные ленты, а старший брат, суровый и молчаливый Ратибор, хоть и ворчал на сестру за ее вечные проказы, готов был перегрызть горло любому, кто посмел бы обидеть Раду.

Но счастливые дни оборвались внезапно, спустя всего пару дней после ее семнадцатых именин.

На Вербичи пришел Мор. Черный, безжалостный. Люди ложились в постель здоровыми, а к утру покрывались темными пятнами и больше не поднимались. Скот выл в хлевах, птицы замертво падали с ветвей, а по ночам за околицей, в сизом тумане, начали мелькать жуткие тени.

Старейшина деревни, седой как лунь дед Мирослав, созвал всеобщее вече у священного дуба. Лица мужей были серы от горя и страха, женщины тихо выли, прижимая к себе бледных детей.

— Не божий это гнев, братья, — глухим, надтреснутым голосом произнес Мирослав, опершись на посох. — Упыри пришли. Заложные покойники восстали из своих могил на

старом погосте и сосут жизнь из нашей земли. Они принесли этот мор, и кострами их не выжечь, стрелами не убить. Вы сами знаете, каков закон отцов.

В толпе воцарилась мертвая, звенящая тишина. Слышно было лишь, как трещит погребальный костер на краю деревни.

— Нужна невеста, — тихо подал голос один из истощенных голодом охотников, чьи глаза лихорадочно блестели. — Лес требует дань. Только так упыри уйдут обратно под землю, а нечисть заберет свою долю и оставит нас в покое.

Люди начали испуганно переглядываться, судорожно вспоминая, сколько лет дочерям в каждой избе.

— В этом году... — заговорил староста, и его голос дрогнул, — в этом году семнадцать зим исполнилось только одной деве.

Сотни взглядов в одно мгновение скрестились на фигуре Рады, стоявшей позади матери. Рада растерянно моргнула, ее вечная улыбка мгновенно сошла с лица, оставляя лишь бледность.

— Нет! — Ратибор шагнул вперед, заслоняя сестру своим широким плечом и хватаясь за рукоять топора на поясе. — Не отдам сестру! Пусть упыри приходят, я сам изрублю их в щепки!

Отец Рады, тяжело дыша, встал рядом с сыном, а мать сдавленно закричала, намертво вцепившись в сарафан дочери.

— Успокойся, Ратибор! — сурово выкрикнул старейшина, хотя в его глазах стояли слезы. — Против воли деревни пойдешь? Против воли богов? Деревня вымирает! Если не отдадим Раду до заката, завтра хоронить будет некого!

Напуганная, доведенная до отчаяния толпа взревела. Людской страх оказался сильнее вековой дружбы и добрососедства. Против обезумевших от ужаса Вербичей семья Рады была бессильна.

— Прости, Григорий... Прости, Ратибор, — прошептал староста.

По его знаку из толпы вышли два дюжих, широкоплечих общинника. Отводя глаза в сторону от стыда, они силой оттолкнули рыдающую мать, скрутили яростно отбивающегося Ратибора, которого держали еще несколько мужиков, и подхватили помертвевшую от страха Раду под руки.

— Брат! Матушка! — только и успела крикнуть Рада, когда ее волоком потащили прочь от вечевой площади.

Ее привели к старому деревенскому амбару, тяжелые дубовые двери которого жалобно заскрипели. Внутри уже ждали деревенские бабы. Их лица под платками казались каменными масками. Они не смотрели Раде в глаза.

Два здоровых мужика бесцеремонно втолкнули девушку внутрь, и тяжелый засов снаружи с глухим стуком опустился, отрезая Раду от привычного, еще вчера такого безопасного мира. Начиналось вечерье — обряд омовения и облачения невинной девы, которой предстояло навсегда уйти в

лапы лесной нечисти.

Глава 2: Последняя слеза заката

Внутри амбара царил полумрак, густо пахнущий сухой соломой, залежалым зерном и полынью. Две маленькие лучины, закрепленные в стенах, исходили слабым трескучим светом, отбрасывая на бревенчатые стены длинные, пугающие тени баб. Рада стояла посреди этого замершего пространства, тяжело дыша. Ее сердце билось в груди, как пойманная в силки перепелка.

— Раздевайте, девки, чего встали, — глухо, мертвым голосом скомандовала тетка ладодея, старшая среди вдов. — Время не ждет, солнце к верхушкам деревьев клонится.

К Раде подошли три замужние женщины. Среди них была

и соседка, тетка Дарья, которая еще на прошлой неделе пекла для Рады сладкие калачи. Сейчас ее глаза были опущены, а губы судорожно сжаты. Они обступили девушку, бережно, но настойчиво срывая с нее привычный повседневный сарафан.

— Пожалуйста... не надо, тетка Дарья, миленькая... — голос Рады сорвался на испуганный фальцет, по щекам покатились первые горячие слезы. — Я же живая. Я же не покойница!

— Молчи, доченька, молчи, — шептала Дарья, и Рада заметила, как дрожат ее пальцы, расплетая ее русые косы. — Так надо. Ради всех нас. Упыри семерых детей за три дня выпили. Смирись, Радушка, боги увидят твою покорность, полегче тебе там будет...

— Где «там»?! В могиле?! — вскрикнула Рада, вздрагивая, когда ее окатили ледяной колодезной водой из деревянного ушата. Обряд требовал полного очищения. Вода смывала с нее тепло родного очага, делая ее «ничьей», принадлежащей пограничью.

Ее тело вытерли жестким льняным полотном докрасна. Бабы работали быстро, слаженно, словно обряжали усопшего. Из темноты угла вынесли погребальную рубаху — белоснежную, из тончайшего льна, с подолом, расшитым оберегными красными узорами, которые теперь казались Раде каплями свежей крови. На шею ей надели тяжелые мониста, а на голову водрузили венец из сухих болотных трав и веток

вербы — венец невесты Чернобоговых слуг.

Когда засов амбара наконец заскрипел и тяжелые двери отворились, в проеме показался дед Мирослав с факелом в руке. За его спиной стояла вся деревня, державшаяся на расстоянии. Толпа безмолвствовала. Но прямо у порога, сдерживаемые вооруженными охотниками, стояли они. Ее семья.

— Рада! — истошный, надорванный крик матери разрезал предзакатную тишину. Женщина упала на колени, пытаясь проползти сквозь оцепление, ее руки тянулись к дочери. — Кровиночка моя! Оставьте ее, ироды! Меня возьмите, я старая, мне жить незачем!

Отец Рады, Григорий, казалось, постарел на двадцать лет. Он стоял, опустив голову, его плечи судорожно вздрагивали, а из глаз безмолвно катились слезы, теряясь в густой бороде. Он не мог защитить свое дитя от воли всей общины.

Ратибор рвался вперед, как безумный. Четверо здоровых мужиков держали его за руки и плечи, а он ревел от бессильной ярости, налитыми кровью глазами глядя на старосту.

— Отпустите ее! Слышите, псы?! — хрипел брат, и на его губах выступила пена. — Рада, не иди! Не смейте ее трогать! Я подожгу эту деревню, клянусь Перуном, я всех вас изрублю, если с ее головы хоть волос упадет!

Рада сделала шаг вперед. Ее босые ноги коснулись прохладной вечерней травы. Посмотрев на беснующегося брата и убитую горем мать, озорная девчонка внутри нее словно умерла, уступив место пугающей, зрелой покорности. Она

поняла, что если Ратибор поднимет оружие, его убьют прямо здесь.

— Ратибор... не надо, — тихо, но отчетливо произнесла она, и ее голос заставил брата замерзнуть. — Не губи себя. Береги матушку. Береги отца.

Девушка подошла ближе, насколько позволяли державшие ее общинники. Мать ухватилась за край ее белой рубахи, целуя подол и захлебываясь слезами. Рада опустилась на корточки, коснувшись ладонью мокрой от слез щеки матери.

— Простите меня, — прошептала Рада, глядя в глаза отцу. — За то, что неслушницей была. За то, что в лес убегала, за ленты расписные... Спасибо вам за любовь вашу.

— Доченька... Радушка... — Григорий наконец поднял взгляд, полный невыносимой муки. — Боги, за что же нам это... Иди с миром, родная. Не держи зла на нас.

— Не держу, батюшка, — Рада улыбнулась сквозь слезы, и эта улыбка была самой горькой вещью, которую Вербичи видели за всю свою историю.

— Пора, — сухо произнес дед Мирослав, отводя взгляд. — Солнце садится.

Ее повели к краю деревни.

Прошел час, показавшийся вечностью. Закат почти полностью скрылся за горизонтом, оставив на небе лишь тонкую, кровоточащую полосу багрянца. На деревню стремительно опускались тяжелые, сизые сумерки. Воздух стал осязаемо холодным, и из глубины векового леса, словно по чье-

му-то приказу, выполз густой, как парное молоко, туман. Он привычно и жутко подходил к самой границе Вербичей, облизывая подножия крайних изб.

Конвоиры остановились за десять шагов до лесной черты. Дальше идти никто не смел — это была территория *их*.

— Иди, Рада. Не оборачивайся, — тихо шепнул сзади один из охотников, и в его голосе слышался неподдельный, первобытный страх перед подступающей темнотой.

Рада сделала вдох, вобрав в легкие родной запах дыма из печей, скошенной травы и навоза. Шаг. Еще шаг. Ее босые пальцы утонули в холодном, влажном мхе. Хвойные иголки закололи кожу. Туман мгновенно сомкнулся за ее спиной, отрезая тепло человеческого жилья.

У самой черты, где мрак между деревьями становился почти осязаемым, Рада остановилась. Сердце замерло. Вопреки запрету, ведомая последним, отчаянным порывом живой души, она лишь раз обернулась.

Сквозь белую пелену тумана, далеко позади, она увидела смутные силуэты. Там, на холме, у края частокола, стояли три фигурки, прижавшись друг к другу. Мать, отец и брат. Они всматривались в серую мглу, зная, что больше никогда не увидят свою озорную Раду. Багряный луч угасающего солнца на мгновение подсветил их силуэты, а затем окончательно угас, погружая мир во тьму.

Рада сглотнула подступивший к горлу ком, вытерла последнюю слезу тыльной стороной ладони и развернулась ли-

цом к дремучей, таинственной чаще. Лес ждал свою невесту.

Глава 3: Хозяин туманной чащи

Холодный мох ласкал босые ступни, но Рада почти не чувствовала этого. Она шла вперед, бережно придерживая подол белоснежной рубахи, чтобы не разорвать его о цепкие колючки валежника. Мрак сгустился настолько, что вековые дубы и ели превратились в безмолвных черных великанов, грозно взирающих на нее с высоты. Каждая вытянутая ветка в тумане казалась костлявой лапой упыря, готовой ухватить за плечо. Каждое шуршание опавшей листвы заставляло сердце испуганно пропускать удары, а далекий треск сучка чудился голодным рычанием неведомого зверя.

— Батюшка Перун, защити… Велес, тропку сбереги…

— шептала Рада одними губами, но знала, что здесь, в самом сердце лесного пограничья, старые боги людей не имели прежней силы.

Она шла, потеряв счет времени. Ей казалось, что она блуждает по этому таинственному лабиринту целую вечность, пока деревья вдруг расступились, открывая небольшую, залитую призрачным лунным светом поляну. Посреди нее покоился небольшой, идеально круглый пруд. Вода в нем была темной, как парчовое полотно, и совершенно неподвижной. Окутанная сизым туманом гладь казалась зеркалом, в котором замерли звезды.

Рада, обессилев от страха и долгой ходьбы, опустилась на влажный песчаный берег. Ноги гудели, а тяжелые мониста давили на грудь. Девушка обхватила колени руками, пытаясь унять дрожь.

Несколько минут вокруг царила оглушительная, мертвая тишина. Не пели ночные птицы, не шуршали мыши в траве.

Вдруг по идеальной глади пруда побежала легкая рябь. Из самой глубины, не издав ни единого всплеска, начала медленно подниматься фигура. Сначала из темной воды показалась макушка, покрытая длинными, черными как смоль волосами, которые шлейфом расплывались по воде. Затем — безупречно бледное, словно выточенное из речного камня лицо.

Рада замерла, боясь даже вздохнуть. Существо открыло глаза. Они вспыхнули в полумраке фосфорическим, яр-

ко-зеленым светом, похожим на молодую майскую листву.

Прекрасная незнакомка подплыла к самому берегу, мягко положив тонкие руки на прибрежный мох. На ее сочных, неестественно алых губах заиграла лукавая, манящая улыбка.

— Какая гостья в наших краях… — голос существа прозвучал как журчание ручья, перекатывающего мелкие камешки, убаюкивающий и сладкий. — Чего сидишь на холодном берегу, девица-краса? Твои ножки устали, твоя рубаха в пыли.

— Ты… ты кто? — заикаясь, вытолкнула из себя Рада, инстинктивно отодвигаясь назад.

— Мавкой меня кличут, — существо наклонило голову набок, и черные пряди скользнули по ее оголенным бледным плечам. — Лесная сестрица, озерная девица. А тебя, я вижу, люди к нам ладно обрядили. Настоящая невеста. Только почему же ты грустишь? Посмотри, какая водичка теплая, ласковая. Сбрось свои тяжелые бусы, иди ко мне.

Мавка протянула к Раде длинные, изящные пальцы. Ее зеленые глаза гипнотизировали, заставляя испуганный разум Рады туманиться.

— Я… мне нельзя, меня лес ждет, — слабо попыталась возразить Рада, хотя ее озорной характер на миг отозвался удивлением перед невиданным чудом.

— Лес подождет, — ласково, с легким смешком протянула Мавка, подплывая еще ближе, так что у самого берега затрепетали речные кувшинки. — Мы с тобой вплетем кувшинки в твои русые косы, поплывем к самому дну, там звезды светят ярче. Иди, сделай лишь шаг в водицу, поиграй со мной, повеселись…

Рада, словно завороженная этим сладким голосом, уже протянула руку вперед, как вдруг ночной воздух буквально

разорвался от тяжелого, грозного эха, заставившего содрогнуться саму землю:

— Прочь, змея!

Звук этого голоса был подобен удару грома в ясный день — низкий, властный, вибрирующий первобытной силой.

Мавка мгновенно изменилась в лице. Ее лукавая улыбка превратилась в гримасу дикого ужаса, зеленые глаза округлились. Она судорожно втянула в себя воздух, шумно всплеснула руками и в то же мгновение скрылась в черной глубине пруда, оставив на воде лишь быстро расходящиеся круги и обрывки тины.

Рада от испуга упала на спину, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам.

Туман у противоположного берега пруда вдруг завихрился, сгущаясь в плотную черную тучу. Из этой бурлящей темноты, неторопливо раздвигая вековые еловые лапы, вышел тот, чье присутствие заставило замолчать даже озерную нечисть.

Это был очень высокий молодой парень. Его стать и широкие плечи напоминали вековые дубы, но двигался он с кошачьей, пугающей грацией. На нем был тяжелый, подбитый волчьим мехом темный плащ, а из-под распахнутого ворота виднелись старинные серебряные гривны. Его кожа была бледной, но не мертвенной, как у Мавки, а волосы — цвета воронова крыла — свободно спадали на плечи. Глаза незнакомца горели холодным, серебристо-серым огнем, в котором

читалась вековая мудрость и безграничная власть над этими землями.

Он остановился в нескольких шагах от Рады, сверху вниз разглядывая распластавшуюся на траве девушку в венчальном венце.

— И как только у нее хватает глупости слушать водяных тварей? — тихо, но веско произнес он. Каждое его слово, казалось, отдавалось шепотом среди деревьев. — Еще бы мгновение — и твои кости белели бы на дне этого омута, «невеста».

Рада, сжавшись в комок, перевела дыхание. Страх все еще сковывал ее тело, но природное озорство и смелость, которые всегда жили в ее добром сердце, неожиданно взяли верх над ужасом. Она приподнялась на локтях, сердито поправляя сбившийся травяной венец.

— А кричать-то зачем так было? — буркнула она, тут же прикусив язык от собственной дерзости. — Я и так до смерти напугана! Ты кто такой будешь, добрый молодец? Или… не добрый вовсе?

Парень на мгновение замер, явно не ожидая от смертной девы, отданной на растерзание лесу, подобного тона. В его серебристых глазах промелькнула искра искреннего удивления, которая тут же сменилась едва заметной, высокомерной усмешкой.

— Добрых здесь нет, девица, — он сделал шаг вперед, и туман послушно пополз за его сапогами. — Я тот, кому твоя

трусливая деревня молится в кошмарах, когда утихают грозы твоего Перуна. Я тот, к кому тебя отправили, чтобы выкупить свои никчемные жизни от мора.

Рада медленно поднялась на ноги, едва доставая головой до его груди. Она смотрела в его холодное лицо, чувствуя, как таинственная и романтичная атмосфера этого места окутывает их двоих, стирая отголоски деревенского страха.

— Так ты… хозяин этой нечисти? — тихо спросила она, заглядывая в его серые глаза. — Значит, это ты наслал упырей на Вербичи? Зачем тебе это? Зачем тебе я?

Парень сделал еще шаг, оказавшись к ней так близко, что Рада почувствовала тонкий запах мокрой хвои, морозного ветра и полыни. Он протянул руку и длинным бледным пальцем осторожно поддел кончик вербовой ветки на ее венце.

— Я не посылал упырей, они сами чуют слабость людскую, — тихо ответил он, и его голос вдруг утратил громовые раскаты, став вкрадчивым и обволакивающим. — Но закон древнего уговора свят. Деревня отдала тебя мне. Теперь ты принадлежишь моему миру, Рада. И обратного пути для тебя нет.

Глава 4: Раздор в чертогах нечисти

Рада с трудом сглотнула горькую слюну, не отрывая взгляда от бледного, царственного лица незнакомца. Воздух вокруг них казался густым и липким, как древесная смола.

— Раз уж я теперь принадлежу твоему миру… — девушка попыталась вернуть голосу прежнюю озорную уверенность, хотя пальцы ее мелко дрожали, — то скажи хотя бы, как звать тебя, хозяин? Не гоже мне идти за тем, чьего имени я не знаю.

Парень медленно опустил руку, которой только что касался ее вербового венца. Серебро в его глазах потемнело, став похожим на грозовое грозовое небо, а губы тронула холодная, пугающая улыбка. Он наклонился к самому ее уху, и Рада почувствовала, как от его дыхания веет могильным студеным холодом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.